

УДК 801.561.1

Л. И. Тимофеева*Марийский государственный университет, Йошкар-Ола***ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФАБРИКАТИВНЫХ
КОНСТРУКЦИЙ В РУССКОМ И ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ**

В статье сопоставлены русские и польские субстантивные словосочетания с фабрикативной семантикой типа маска из дерева – maska z drewna, кирпичная стена – mur ceglany, извлеченные из текстов художественных произведений. На системном уровне они представлены двумя типами формальных структур: Сущ. + из + Сущ. (в польском S + z/ze + S) и Прил. + Сущ. Конфронтационный анализ данных словосочетаний был проведен на основе функционального метода, который признан весьма эффективным при сопоставлении синтаксических структуры родственных языков. В процессе исследования установлены сходства и различия между сопоставляемыми языками в функционировании однотипных образований. Особое внимание уделено изофункциональности фабрикативных словосочетаний, образованных по разным моделям и выполняющих идентичную функцию в условиях стилистической адекватности контекстов. В качестве причины этого явления отмечена способность зависимых компонентов фабрикативных словосочетаний к вариативности (взаимозаменяемости): платье из ситца / ситцевое, mur z cegły / ceglany. Вступая в вариативные отношения, словосочетания разной структуры становятся членами функционального вариативного ряда, актуализация которых обусловлена конкретными речевыми условиями. Вариативность зависимых компонентов исследуемых словосочетаний широко представлена на межъязыковом уровне, поскольку выбор члена вариативного ряда по языкам может не совпадать. Так, для русских текстов наиболее характерны конструкции типа Прил. + Сущ., а для польских – (S + z/ze + S). В статье отмечены случаи полной системной эквивалентности и некатегориальной эквивалентности конструкций в рамках изучаемого материала. Особое внимание уделено примерам некатегориальной эквивалентности, при которой фабрикативные словосочетания одного языка коррелируют с иными лингвистическими единицами другого.

Ключевые слова: фабрикативная семантика, субстантивные словосочетания, отсубстантивные прилагательные, изофункциональные конструкции, некатегориальная эквивалентность

Сопоставительная славянская синтактология, сформировавшаяся в конце XX века как отдельное направление контрастивной лингвистики, до сих пор остается наименее разработанной областью славистики. Перед исследователями стоит немало задач, направленных на поиск моделей, согласно которым можно было бы подвергнуть конфронтационному анализу синтаксические единицы и категории для более глубокого познания синтаксической системы каждого славянского языка [9, с. 518]. Синтаксис – это область функционирования всех единиц языка, поэтому сопоставительная лингвистика, наряду с системно-структурным анализом языковых элементов, большое внимание уделяет исследованию их функциональных свойств, что совершенно необходимо, поскольку многие различия между родственными языками обнаруживаются именно на функциональном уровне [11, с. 20]. При сопоставлении синтаксических структур родственных языков функциональный подход является весьма эффективным, поскольку позволяет установить сходства и различия в семантическом объеме, дистрибуции и употреблении сопоставляемых единиц.

Объектом исследования в данной статье являются русские и польские субстантивные словосочетания (далее – ССл) с фабрикативной семантикой типа маска из дерева – maska z drewna, кирпичная стена – mur ceglany, извлеченные из текстов художественных произведений на русском и польском языках и их переводов. Главные компоненты этих словосочетаний представляют собой наименования артефактов, т. е. искусственных объектов, созданных человеком для выполнения определенных функций, а в роли зависимых выступают фабрикативы – компоненты, характеризующие предметы по материалу, веществу,

из которого предметы сделаны, изготовлены [6, с. 432]. В славянских языках, как известно, существует весьма обширный лексический пласт существительных, имплицитно содержащих в своей семантике сему фабрикативности. Это названия представителей животного и растительного мира, природных веществ, минералов, металлов и других.

Цель нашего исследования – установить сходства и различия между сопоставляемыми языками в выражении фабрикативной семантики посредством ССл, в функционировании данных конструкций, выявить в рамках изучаемого материала случаи некатегориальной эквивалентности, при которой информативно-коммуникативная адекватность переводных текстов достигается за счет использования разных образований (см. подробнее [10]).

Круг фабрикативных словосочетаний достаточно широк, что вполне естественно, поскольку семантическое отношение «артефакт – фабрикатив» отражает одну из распространенных реалий окружающей действительности. Для выражения данного отношения в системах сопоставляемых языков используются лишь два типа формальных структур ССл. Это в основном словосочетания, образуемые по моделям Сущ. + из + Сущ. (в польском $S + z/ze + S$) и Прил. + Сущ. Правда, в русском языке встречаются, хотя и редко, трехсловные ССл с двухкомпонентной зависимой частью типа мебель красного дерева (современному польскому языку они не свойственны). Особенности в функционально-семантическом плане исследуемые ССл обнаруживают в контекстуальных условиях.

ССл типа Сущ. + из + Сущ. ($S + z/ze + S$) структурно и семантически однотипны в сопоставляемых языках, легко образуются и относятся к числу полных системных соответствий, для которых характерна тождественность семантики, функции и структуры, ср.: konfitury z róż [15, s. 442] – варенье из роз [7, с. 630], blok z cementa [13, s. 377] – корпус из бетона [1, с. 334] и т. п. Однако в исследуемом материале такие конструкции немногочисленны. Авторы произведений используют их прежде всего тогда, когда необходимо подчеркнуть какие-то особенности фабрикатива, например цвет: платье из коричневого бархата [8, с. 237] – suknia z brązowego aksamitu [16, s. 170], kieliszek z zielonowego szkła [15, s. 375] – рюмка из зеленоватого стекла [7, с. 449].

Наиболее употребительным средством выражения фабрикативной семантики в исследуемых русских и польских текстах являются конструкции типа Прил. + Сущ., имеющие в своем соста-

ве отсубстантивные прилагательные, которые отличаются широкой способностью передавать фабрикативное отношение: железная дверь, овощной суп,teczka tekturowa, kurtka skórzana и т. п. Следует заметить, что специализированных суффиксов, оформляющих прилагательные с фабрикативной семантикой, в принципе нет (пожалуй, только -ан- / -ян-, -an-: глиняный – gliniany). Остальные суффиксы (-ов-, -н-, -ow-, -n- и др.) используются и при образовании адъективов иных типов, поэтому данное значение выявляется лишь контекстуально (ср. бетонный пол и бетонный завод).

В исследуемом материале конструкции типа Прил. + Сущ. в большинстве случаев являются полными системными эквивалентами, например: серебряная заколочка [8, с. 181] – srebrna spinka [16, s. 93], ржаные лепешки [8, с. 119] – żytnie placuszki [16, s. 59], betonowa płyta [13, s. 350] – бетонная плита [1, с. 311], drewniana łyżka [15, s. 441] – деревянная ложка [7, с. 629] и т. п. Данный вид соответствий особенно широко представлен в таких группах артефактов, как «одежда и ее элементы»: jedwabna pidżama [15, s. 306] – шелковая пижама [7, с. 526], кружевной воротник [8, с. 237] – koronkowy kołnierzyk [16, s. 170]; «мебель и предметы интерьера»: dębowy stół [15, s. 458] – дубовый стол [7, с. 644], кожаная рамка [8, с. 203] – skórzana ramka [16, s. 114]; «посуда»: глиняный горшок [8, с. 150] – gliniany wazon [16, s. 68], srebrna łyżka [15, s. 441] – серебряная ложка [7, с. 629].

Как известно, родственные языки при реализации одних и тех же типовых коммуникативных заданий в сходных ситуациях могут обращаться к различным лексическим единицам [4, с. 37]. Данное положение актуально и в рамках тех конструкций, зависимые компоненты которых имеют разное лексическое наполнение при сохранении фабрикативной семантики, ср.: żelazne konstrukcje [13, s. 75] – металлические конструкции [1, с. 82] (żelazny букв. железный), murowane budynki [15, s. 357] – каменные строения [7, с. 434] (в польском словосочетании использовано причастие от глагола murować – строить из кирпича, камня [5, с. 467], в русском переводе – фабрикативное прилагательное). Но такие примеры единичны.

В целом в русском и польском языках фабрикативные конструкции типа Прил. + Сущ. относятся к числу наиболее активных в функциональном плане. Еще в середине прошлого века известный польский исследователь А. Минович отмечал, что «само понятие материала быстро

подвергается эволюции и может быть понято как постоянный признак предмета, чем увеличивает-ся возможность перехода родительного падежа в прилагательное» [17, s. 37]. Неслучайно в обо-их языках весьма распространено такое явление, как вариативность зависимых компонентов фаб-рикативных ССл: платье из ситца / ситцевое, *tiur z segły / seglany*. Вступая в вариативные отноше-ния, ССл разной структуры становятся членами функционального вариативного ряда, актуализа-ция которых обусловлена конкретными речевы-ми условиями. Поскольку те или иные предметы могут быть охарактеризованы с точки зрения отношения фабрикативности различным обра-зом, на речевом уровне существует возможность выбора средства выражения этого отношения. При необходимости подчеркнуть, из какого имен-но материала сделан тот или иной предмет, обыч-но используются ССл типа Сущ. + из + Сущ. (S + z/ze + S), а при необходимости подчеркнуть разновидность предмета, выделить его в кругу родственных предметов, употребляются ССл ти-па Прил. + Сущ., ср. дом из дерева и деревянный дом, (не кирпичный, каменный и т. д.). Но, как оказывается, при внешне одинаковых условиях возможность выбора поверхностной структуры в сопоставляемых языках может быть реализова-на по-разному, т. е. в текстах переводов одна и та же семантическая структура может принимать вид словосочетания как с зависимым существи-тельным в родительном падеже, так и с прилага-тельным, например: удочка из бамбука [8, с. 174] – *wędka bambukowa* [16, s. 83] (при наличии в рус-ском языке прилагательного бамбуковый), *walec z tektury* [13, s. 39] – картонный цилиндр [1, с. 50], *naszyjnik z platyny* [15, s. 283] – платиновое оже-релье [7, с. 596], бостонский костюм [2, с. 320] – *kostium z bostonu* [18, s. 55] (при наличии в поль-ском языке прилагательных *tekturowy, platynowy, bostonowy*). Подобные некатегориальные соот-ветствия чаще всего встречаются в группах артефактов, обозначающих различные емкости и продукты питания, например: бронзовая плош-ка [8, с. 354] – *miseczka z brązu* [16, s. 224], *kufy z blachy* [13, s. 184] – жестяные чаны [1, с. 170], овощной суп [8, с. 79] – *zupa jarzynowa* [16, s. 42], яблочный сок [8, с. 302] – *sok z jabłek* [16, s. 201] и других. Рассмотренные примеры наглядно демонстрируют изофункциональность ССл раз-ной структуры, выражающих одно и то же се-мантическое отношение, причем конструкции типа Прил. + Сущ. наиболее характерны для рус-ских текстов.

В то же время существует ряд причин, кото-рые могут препятствовать вариативности зави-симых компонентов ССл. Одна из них – это от-сутствие соответствующей адъективной лексемы в обоих языках, например: компот из сухофрук-тов [2, с. 280] – *kompot z suszonych owoców* [18, s. 11], или в одном из языков, например: *krażki z dykty* [13, s. 39] – фанерные кружки [1, с. 50] (нет прилагательного в польском языке). Кроме того, для прилагательного с фабрикативной семан-тикой может быть характерна ограниченная лекси-ческая сочетаемость. Так, в русском языке употре-бимо словосочетание свиные котлеты, но нельзя сказать по-русски свиная перчатка, ср. *świńska rękawica* [13, s. 264] – перчатка из свиной кожи [1, с. 238]. Вариативность невозможна также в слу-чаях употребления распространенного фабрика-тивного компонента: *suknia z cienutkiej wełny* [15, s. 249] – платье из тончайшей шерсти [7, с. 567].

Но не только наличие/отсутствие вариативно-сти зависимых компонентов или выбор одного из вариантов на речевом уровне являются при-чиной некатегориальной эквивалентности рус-ских и польских ССл. Так, в ряде случаев зави-симые компоненты словосочетаний в русском языке коррелируют с полупредикативными обо-ротами в польском: узелок из головного платка [2, с. 461] – *węzełek zrobiony z chustki na głowę* [18, s. 217], поезд из нескольких вагончиков [8, с. 254] – *pociąg złożony z kilku wagoników* [16, s. 180], дощатый стол [2, с. 125] – *stół z desek* [18, s. 140], т. е. в польских конструкциях не реализована редукция вербального предиката.

Некатегориальная эквивалентность русских и польских ССл наблюдается также в случаях употребления составных наименований в одном языке и простых – в другом, причем, по мнению некоторых исследователей, для русского языка ха-рактерно преобладание составных наименований [3, с. 132]. В исследуемом материале весьма пока-зательны примеры того, как польский язык отдает предпочтение простым наименованиям артефак-тов, содержащих в своей семантической струк-туре указание на фабрикатив, из которого дан-ный артефакт состоит или изготовлен. При этом существительные, называющие артефакты, и фа-брикативные прилагательные нередко произве-дены от одной и той же основы, ср.: *kamienice* [15, s. 357] – каменные дома [7, с. 434], овсяная каша [8, с. 31] – *owsianka* [16, s. 16]. Ср. также *kartoflanka, słomianka, grochówka* и многие дру-гие. Эти дериваты образованы в результате так называемой универбации, т. е. преобразования

составного наименования в одно слово [14, с. 45]. Подобные существительные встречаются и в русском языке, и, как правило, это артефакты, обозначающие продукты питания и одежду (например, овсянка, можжевельник, кожанка и др.). Чаще всего они функционируют в разговорной речи, а в польском языке для этих образований характерно в основном нейтральное употребление. Имеют место и случаи, когда прилагательное в составе фабрикативного ССл и простая номинация не являются однокоренными, но при этом обозначают одну и ту же реалию, например: шерстяные носки [8, с. 181] – skarpety [16, с. 92], меховая шубка [8, с. 301] – futro [16, с. 200], bibulka [13, с. 176] – бумажные цветы [1, с. 176]. В целом же фабрикативные ССл способствуют более детальному обозначению внеязыковых реалий по сравнению с простыми дериватами и немотивированными наименованиями [2, с. 133].

Проведенный сопоставительный анализ русских и польских ССл с фабрикативной семантикой позволяет заключить, что для этих конструкций характерно как несомненное сходство, так и своеобразие в функциональном плане. Частое явление среди ССл двух родственных языков – изофункциональность конструкций, образованных по разным моделям и выполняющих идентичную функцию в условиях стилистической адекватности контекстов. Выбор члена изофункционального вариативного ряда по языкам может как совпадать, так и не совпадать, поэтому вариативность зависимых компонентов фабрикативных ССл широко представлена на межъязыковом уровне. В контекстуальных условиях наблюдается также корреляция фабрикативных ССл одного языка с иными лингвистическими единицами другого.

Функциональный анализ языковых единиц служит как теоретическим, так и практическим целям межъязыковой конфронтации, связанным с освоением языков.

1. Брежа Т. Валтасаров пир. Лабиринт: пер. с польск. М.: Худож. лит., 1976. 614 с.

2. Васильев Б. Л. А зори здесь тихие. Не стреляйте в белых лебедей. В списках не значился. Л.: Лениздат, 1980. С. 269–482.

3. Васильева В. Ф. Предметная номинация в русском и чешском языках // Сопоставительные исследования грамматики и лексики русского и западнославянских языков / под ред. А. Г. Широковой. М.: Изд-во МГУ, 1998. С. 100–170.

4. Гак В. Г. К проблеме сопоставительно-типологического анализа речевого акта и текста // Сопоставительная лингвистика и обучение неродному языку / отв. ред. В. Н. Ярцева. М.: Наука, 1987. С. 37–48.

5. Гессен Д., Стыпула Р. Большой польско-русский словарь: в 2 т. М.: Русский язык; Варшава: Вєдза Повсєхна, 1980. Т. 1. 664 с.

6. Золотова Г. А. Синтаксический словарь: репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. 2-е изд., испр. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 440 с.

7. Ивашкевич Я. Сочинения: в 3 т. М.: Худож. лит., 1988. Т. 2. 700 с.

8. Лидин В. Г. Отражение звезд. Рассказы (1974–1976). М.: Советский писатель, 1978. 384 с.

9. Рылов С. А. Актуальные вопросы сопоставительной славянской синтактологии (на материале русского и чешского языков) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Языкознание. 2015. № 2. С. 518–522.

10. Тихомирова Т. С. О некатегориальной эквивалентности польских и русских текстов // Типологические и сопоставительные методы в славянском языкознании: сб. статей. М.: Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1993. С. 205–218.

11. Широкова А. Г. Методы, принципы и условия сопоставительного изучения грамматического строя генетически родственных славянских языков // Сопоставительные исследования грамматики и лексики русского и западнославянских языков / под ред. А. Г. Широковой. М.: Изд-во МГУ, 1998. С. 10–99.

12. Bałałykina E., Bartoszewicz A., Nikolajew G. Słownik polski dla Polaków. Warszawa: PWN, 1990. 192 s.

13. Breza T. Uczta Baltazara. Warszawa: Czytelnik, 1955. 408 s.

14. Grzegorzczak R. Zarys słownictwa polskiego. Warszawa: PWN, 1981. 96 s.

15. Iwaszkiewicz J. Opowiadania. Warszawa: Czytelnik, 1980. 484 s.

16. Lidin W. Kluczyk i inne opowiadania. Kraków: Wyd. Literackie, 1983. 275 s.

17. Mirowicz A. O grupach syntaktycznych z przydawką. Toruń, 1949. 128 s.

18. Wasiljew B. W ewidencji nie figuruje. Warszawa: Iskry, 1981. 254 s.

Статья поступила в редакцию 26.01.2016 г.

Для цитирования: Тимофеева Л. И. Функциональные особенности фабрикативных конструкций в русском и польском языках // Вестник Марийского государственного университета. 2016. № 1 (21). С. 126–131.

Об авторе

Тимофеева Людмила Ивановна, кандидат филологических наук, доцент, Марийский государственный университет, Йошкар-Ола, ludmila_tim52@mail.ru

L. I. Timofeeva

Mari State University, Yoshkar-Ola

**FUNCTIONAL FEATURES OF FABRICATIVE STRUCTURES
IN THE RUSSIAN AND POLISH LANGUAGES**

The article compares Russian and Polish substantive phrases with fabricative semantics of a type “mask of wood” – “maska z drewna”, “brick wall” – “mur ceglany”, extracted from art texts. At the system level they are represented by two types of formal structures: Noun. + of + Noun (In the Polish - S + z/ze + S) and Appendix + Noun. Confrontational analysis of these phrases was conducted on the basis of the functional method, which is found to be very effective when compared syntactic structures in related languages. The study established the similarities and differences between the compared languages in the functioning of similar entities. Particular attention is given to the isofunctionalism of fabricative phrases formed on different models and perform an identical function in terms of stylistic adequacy of the contexts. The reason of this phenomenon is marked by the ability of the dependent components of fabricative phrases to variability (interchangeability): dress of calico/cotton dress, mur z cegły/ceglany. Speaking about variant relationship, different structure combinations become members of functional variation distribution, existence of which is explained by the specific conditions of speech. Variation of dependent components of studied phrases is widely represented at the interlingual level, because the selection of a variation distribution member on the languages may be different. Thus, for the Russian texts the constructions of a type: Appendix + Nouns, and for Polish - (S + z/ze + S) are most characteristic. The article noted cases of complete system equivalence and non-categorical equivalence of structures within the material being studied. Particular attention is paid to examples of non-categorical equivalence, in which the fabricative phrases of one language are correlated with the linguistic units of another.

Keywords: fabricative semantics, substantive phrases, substantive adjectives, isofunctional constructions, non-categorical valency

1. Breza T. Valtasarov pir. Labirint [Labyrinth]: per. s pol'sk. M.: Khudozh. lit., 1976, 614 p.
2. Vasil'ev B. L. A zori zdes' tikhie. Ne strelyajte v belykh lebedei. V spiskakh ne znachilsya [Dawns Here Are Quiet. Do not shoot at white swans. He was not listed]. L.: Lenizdat, 1980, pp. 269–482.
3. Vasil'eva V. F. Predmetnaya nominatsiya v russkom i cheshskom yazykakh [Subject nomination in Russian and Czech]. *Sopostavitel'nye issledovaniya grammatiki i leksiki russkogo i zapadnoslavjanskikh yazykov* = Comparative study of grammar and vocabulary of Russian and West Slavic languages, pod red. A. G. Shirokovo. M.: Izd-vo MGU, 1998, pp. 100–170.
4. Gak V. G. K probleme sopostavitel'no-tipologicheskogo analiza rechevogo akta i teksta [On the problem of comparative-typological analysis of the speech act and text]. *Sopostavitel'naya lingvistika i obuchenie nerodnomu yazyku* = Comparative linguistics and second language learning, otv. red. V. N. Yartseva. M.: Nauka, 1987, pp. 37–48.
5. Gessen D., Stypula R. Bol'shoi pol'sko-russkii slovar' [Large Polish-Russian Dictionary]: v 2 t. M.: Russkii yazyk; Varshava: Vedza Povshekhna, 1980. T. 1, 664 p.
6. Zolotova G. A. Sintaksicheskii slovar': repertuar elementarnykh edinit russkogo sintaksisa [Syntax Dictionary: repertoire of elementary units of Russian syntax]. 2-e izd., ispr., M.: Editorial URSS, 2001, 440 p.
7. Ivashkevich Ya. Sochineniya [Works]: v 3 t. M.: Khudozh. lit., 1988. T. 2. 700 p.
8. Lidin V. G. Otrazhenie zvezd. Rasskazy (1974–1976) [Star reflection]. M.: Sovetskii pisatel', 1978. 384 p.
9. Rylov S. A. Aktual'nye voprosy sopostavitel'noi slavyanskoi sintaktologii (na materiale russkogo i cheshskogo yazykov) [Topical issues of comparative Slavic syntactology (in the Russian and Czech languages)]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* = Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky. Yazykoznanie. 2015, no. 2, pp. 518–522.
10. Tikhomirova T. S. O nekatgorial'noi ekvivalentnosti pol'skikh i russkikh tekstov [On non-categorical equivalence of Polish and Russian texts]. *Tipologicheskie i sopostavitel'nye metody v slavyanskom yazykoznanii* = Typological and comparative methods in Slavic linguistics: sb. statei. M.: In-t slavyanovedeniya i balkanistiki RAN, 1993, pp. 205–218.

11. Shirokova A. G. Metody, printsipy i usloviya sopostavitel'nogo izucheniya grammaticeskogo stroya geneticheski rodstvennykh slavyanskikh yazykov [Methods, principles and conditions of the comparative study of the grammatical structure of genetically related Slavic languages]. *Sopostavitel'nye issledovaniya grammatiki i leksiki russkogo i zapadnoslavyanskikh yazykov* = Comparative study of grammar and vocabulary of the Russian and West Slavic languages, pod red. A. G. Shirokovoï. M.: Izd-vo MGU, 1998, pp. 10–99.
12. Bałalykina E., Bartoszewicz A., Nikolajew G. Słowotwórstwo rosyjskie dla polaków. Warszawa: PWN, 1990, 192 p.
13. Breza T. Uczta Baltazara. Warszawa: Czytelnik, 1955, 408 p.
14. Grzegorzczkova R. Zarys słowotwórstwa polskiego. Warszawa: PWN, 1981, 96 p.
15. Iwaszkiewicz J. Opowiadania. Warszawa: Czytelnik, 1980, 484 p.
16. Lidin W. Kluczyk i inne opowiadania. Kraków: Wyd. Literackie, 1983, 275 p.
17. Mirowicz A. O grupach syntaktycznych z przydawką. Toruń, 1949, 128 p.
18. Wasiljew B. W ewidencji nie figuruje. Warszawa: Iskry, 1981, 254 p.

Submitted 26.01.2016.

Citation for an article: Timofeeva L. I. functional features of fabricative structures in the Russian and Polish languages. *Vestnik of Mari State University*. 2016, no. 1 (21), pp. 126–131.

About the autor

Timofeeva Ljudmila Ivanovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Mari State University, Yoshkar-Ola, ludmila_tim52@mail.ru